

ВОЛЯ И РАЗУМ №1
РОЖДЁННЫЕ ВОЛЕВЫМИ

НЕ БОЙСЯ ДОВЕРЯТЬ СВОИМ ЧУВСТВАМ
ДАЖЕ ЕСЛИ ТЕБЕ КАЖЕТСЯ,
ЧТО МИР ВОКРУГ
НЕНАСТОЯЩИЙ

АЛЕКС ХИКАРИ

12+

Алекс Хикари

Рождённые волевыми

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Хикари А.

Рождённые волевыми / А. Хикари — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Меня зовут Ванесса, мне четырнадцать, и скоро я узнаю, как мне предстоит умереть – либо от старости, прожив серую жизнь за пультом автоматической фермы, вздрагивая от каждого шороха, либо лет в двадцать в бою, защищая свою деревню. Так себе варианты, но у нас ещё и выбора нет – за нас это решает волевик, особый минерал, который лучше нас знает нашу суть. И что мне остаётся, чтобы отвлечься от мыслей о смерти? Конечно, обрести любовь, бороться со страхами, пытаться заново узнать старых знакомых, а главное – попытаться остановить войну. И не потому что я такая сильная, а потому, что первая, кто действительно не хочет, чтобы она продолжалась...

© Хикари А., 2019

© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Запись номер ноль, которую я всегда делаю в самом начале, но которая всегда раздражает. Январь, 132 год от начала Нового времени	5
Запись первая. Март, 132 год от начала нового времени	8
Запись вторая. Апрель, 132 год от начала Нового времени	11
Запись третья. Конец апреля, 132 год от начала Нового времени	16
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Запись номер ноль, которую я всегда делаю в самом начале, но которая всегда раздражает. Январь, 132 год от начала Нового времени

Отгремел новый год, закончилась старая тетрадь, а значит, пора начинать новый дневник. Терпеть не могу это дело, но мама постоянно напоминает, говорит, что это важно. И что начинать надо с того, что кратко рассказать о себе и о своём прошлом на случай, если старые тетради потеряются. А вот это важно. Потому что все старые дневники я сожгла, ха-ха. И маме об этом знать необязательно.

Итак, меня зовут Ванесса Кор, мне четырнадцать лет, и я сожгла старые тетради, потому что в них нет ничего интересного. Там только обычные бытовые дела – автоферма, уроки, тренировки, уход за младшим братом и немного свободного времени с Кейном. Это – мой сосед и лучший друг в одном флаконе, чуть меньше двух лет назад он прошёл инициацию и стал волевым воином. Через четыре месяца это предстоит и мне, и когда я думаю об этом, мне кажется, Кейну повезло с предназначением. Что я хотела бы для себя? Понятия не имею, а потому ужасно боюсь этого дня. Потому что в нашем случае куда ни ткни – исход будет один и тот же.

Инициация – это церемония, во время которой тебе предлагают коснуться волевика. Это такой минерал или металл, я сама не знаю, но знаю, что он – порождение древней магии, или... проклятье, кто там его знает. Человека, который не может коснуться волевика, называют волевым – это значит, что он способен подчинить себе эту... ай, ладно, пусть будет магия. Ну, или подружиться с ней – Кейн рассказывал, что у него это не похоже на подчинение. Волевик сам знает, к чему ты предрасположен, кто ты на самом деле, и, если ты волевой – указывает тебе путь. Если же человек способен коснуться волевика, значит, он не волевой. Всё просто.

Обычные люди живут в нашей деревне, Ткагараде. Можно сказать, что их жизнь крутится вокруг волевых... хотя, может быть, и наоборот. В общем, обычные люди воспитывают детей и ведут уроки, работают на автофермах и в шахтах, чтобы обеспечить деревню едой и всем необходимым. Те, кто уже не может работать, переходит в совет, управлять жизнью в деревне – ходят слухи, что чем старше человек, тем мудрее. Кто знает, но эти мудрецы не такие уж умные, если до сих пор не могут прекратить войну с Маргандалором.

Кстати, об этом. Когда человек проходит инициацию и становится волевым, все ждут от него, что он окажется воином. Потому что наша маленькая деревня умудрилась ввязаться в постоянную войну с Маргандалором, соседней деревней, а оружие есть только у волевых. Когда я спрашивала у мамы, почему человечество изобрело фермы, на которых еда и вода автоматически подаётся скоту и перерабатывается для посевов, но не изобрело оружие, мама ответила, что всё не так просто, и она однажды всё объяснит. «Однажды» пока не наступило, и мне остаётся верить на слово в то, что волевые воины добровольно ввязываются и верят во всё это. Кейн один из таких, и когда я спрашивала, ради чего всё это, он ответил просто: ради семьи. Кроме того, что это – его предназначение, и он постоянно ощущает жажду битвы, он ещё хочет защитить своих родных, среди которых волевых нет. И свою маленькую подружку – то есть, меня. И не такая уж я маленькая! Подумаешь, ниже ростом, но достаю же макушкой до его плеча!

Наверное, в наших условиях быть волевым воином – самый лучший вариант. Потому что даже если ты волевой, тебе может выпасть совсем другое предназначение – например, творец. И если воин ощущает жажду битвы, жажду чувства, как тренировки разогревают тело, то творцы постоянно что-то изобретают. Волевик становится их инструментом, умеющим и скле-

ивать, и разогревать, и охлаждать – в зависимости от воли хозяина. Вроде бы неплохое дело, да только если Маргандалор открывает охоту на нашу деревню, он всегда начинает именно с них. Творцы способны изобрести любой защитный механизм, да и оружие в теории, а потому их стараются уничтожить в первую очередь. И, хотя каждый ребёнок Ткагарады берёт в руки тренировочное оружие, едва сумев встать на ноги, творцы всё равно не могут защитить себя. Слишком погружены в своё дело, а потому забывают, что такое вообще драка. А потому беззащитны настолько же, насколько и обычные жители, которые не имеют доступ к оружию, а от тренировочного против волевика пользы не будет.

Когда мне было десять лет, я спросила маму, почему это происходит, откуда взялась эта война. Мама рассказала мне старую легенду о том, что когда-то, в самом начале Нового времени, во главе наших деревень стояли целые семьи, Монте и Каппо. Младший ребёнок в первой семье, Ромелу, должен был стать главой совета Маргандалора, тогда как Джулиа, младшая дочь второй семьи, должна была возглавить воинов Ткагарады. Примерно в то же время было открыто первое месторождение волевика, и первые волевые смогли узнать своё предназначение. Разумеется, вокруг нового минерала разгорелся нешуточный конфликт – говорят, так всегда бывает среди людей. Джулиа и Ромелу должны были повести своих воинов в битву между городами – тогда это ещё были города – но вместо этого полюбили друг друга и сбежали с поля боя. Да-да, именно так: они бросили свои семьи, бросили всё на произвол судьбы и сбежали, даже не попытавшись что-то изменить. В конце концов, они были единственными противниками, сумевшими найти общий язык, но не воспользовались этим; их глупый поступок стал ножом, перерезавшим последнюю ниточку, связывающую наши деревни... ну, то есть, тогда это были города, конечно. Семьи обвинили друг друга в произошедшем, повели свои войска в наступление... и превратили города в деревни, как по количеству людей, так и по количеству домов. Когда утихли битвы, обескровившие эти земли, оставшиеся в живых полностью перестроили свою жизнь и запретили вступать в совет двум людям из одной семьи. Лучше бы с Маргандалором помирились, честное слово...

Легенда на то и легенда, чтобы записывать не правду, но представление о ней. Я уверена, что всё было иначе, просто почему-то всем нам бояться рассказывать, как было на самом деле. Кейн говорил мне, что его отец пересказывал ту же легенду, но шёпотом добавлял, что всё не то, чем кажется.

Да, сейчас я описала всё это и вижу, что волевой воин – самый лучший вариант. Только одно маленькое «но»: такие редко доживают до двадцати лет, и максимальный рекорд, о котором я слышала, был лет пятьдесят назад. Тогда для воина-старожила провели церемонию прощания, едва ему исполнилось двадцать пять. Поэтому я всегда волнуюсь, когда Кейн уходит в рейд – он почти два года как волевой воин, и это если не рекорд, то как минимум достижение.

А ещё – мы с Кейном знаем друг друга с детства. Вместе играли, когда были маленькими, и за нами присматривали Тесса и Тэй, девчонки-близняшки, живущие в двух домах от нас. У Кейна, конечно, есть ещё друзья, парни с соседних улиц, да и у меня была подруга, Эстер... только её уже нет рядом – она умерла год назад. Она была старше меня на три года и казалась мне сестрой, которой у меня никогда не было, и она тоже стала волевым воином. Как и Тесса с Тэй; к слову, мы с тех пор перестали собираться все вместе, как раньше – у девчонок просто нет времени на это. У Кейна, вроде бы тоже, но он всегда заходит после рейда, даже если смертельно устал. И это было второй причиной, по которой я сожгла все дневники – в них так часто встречается имя Кейна, что мне стало страшно. Как будто меня без него не существует, в самом деле.

У нас очень маленькая деревня, все друг друга знают, и мы вроде бы должны держаться друг за друга, проводить как можно больше времени вместе. Только получается иначе: с определённого момента каждого из нас так нагружают работой, что не остаётся времени на простое общение – встречи, разговоры, да просто посиделки за чашечкой чая. Сейчас я с тоской

вспоминаю, как это было и со страхом смотрю в будущее – из всей нашей старой компании я одна не прошла инициацию. И то, что я могу оказаться рядом со своими друзьями – или не оказаться – добавляет свою ложку горечи в и без того несладкий котёл чувств.

А ещё есть другая вещь, которая тоже по-своему смущает. Я всегда слышу тихий тонкий звук. Он исходит от каждого дома, от каждой автофермы и приборов на ней, от каждого волевого, и благодаря Кейну я знаю, что этот звук издаёт волевик. Когда-то давно я говорила об этом с мамой, и она сказала, что это умение ничего не значит – в конце концов, история знает, что были люди, слышавшие песнь волевика, но не сумевшие его приручить. И я сама не знаю, каково мне от этой мысли – спокойнее или страшнее в десять раз.

Ладно, безрадостная какая-то запись получилась. До инициации ещё целых четыре месяца, так что пока можно не волноваться. В конце концов, и у ребят, и у меня много работы. Они оберегают нашу деревню, а я помогаю маме на автоферме – изучаю статистику, обновляю программы, осваиваю медицину нового времени, да мало ли. В конце концов, у меня ещё есть младший братишка, которому нужна старшая сестра, какой бы она ни была – волевой или нет. Держаться рядом с близкими людьми в нашем хрупком мире особенно важно, и я хочу быть для него таким важным человеком. Ведь однажды ему будет так же страшно, как мне, и он тоже предстанет перед самородком волевика в зале совета, как это будет со мной. И, как и Кейн есть у меня, я буду у своего брата. Вот, что должно меня сейчас волновать.

На этом, пожалуй, всё. Встретимся снова месяцев через сто, когда я вдруг вспомню, что у меня есть дневник, или через пару недель, если мама об этом вспомнит и заставит меня вести записи. Или если случится что-то совсем из ряда вон, но, будем надеяться, этого не будет.

Будем надеяться.

Запись первая. Март, 132 год от начала нового времени

Всё случилось так внезапно, что я не успела ничего понять. Только сейчас, с дневником и ручкой, я постепенно прихожу в себя и осознаю – всё было на самом деле, от начала до конца. Права была мама, когда говорила, что дневник мне нужен – теперь я это вижу.

Всё началось с того, что Кейн ввалился в мою комнату, пока я ещё спала. Отвратительно с его стороны, даже не дождался, пока я проснусь; и ещё более отвратительно со стороны мамы – мимо неё он никак не мог проскользнуть. Но самое отвратительное во всём этом было само пробуждение.

– Несс, – слышала я сквозь сон. – Ты такая милая, когда спишь, что мне даже жалко тебя будить. Но надо вставать, у меня к тебе важный разговор.

Моё полное имя – Ванесса, и до этого момента никто так его не сокращал, потому что не было нужды – в детстве у всех нас были эти идиотские клички, за которые сейчас сгоришь от стыда. Наверное, поэтому я не просто проснулась, а подскочила на кровати, чтобы посмотреть в глаза смельчаку. Им оказался Кейн, и я, видимо, спала ну очень крепко, раз не могла узнать его по голосу.

– Идиотское прозвище, – сказала я. – Похоже на Несси.

– Нет, – Кейн покачал головой. – Нисколько не похоже. Это похоже на Ванесса, которая вдруг стала ближе и теплее. Ну... то есть...

Кейн замялся и неловко заулыбался, и я только в тот момент заметила, как он волновался. Конечно, он думает, что у него получается это скрывать, но я знаю его достаточно долго. Знаю эту позу, в которой он сидит – как будто сжался и прячется от всего мира. Мне знакомо и то, как дрожат его губы, когда он пытается сжать их, чтобы не выдать своих чувств, но при этом пытается казаться расслабленным. Я видела такое, когда мы сидели на лавочках в трёх шагах от зала, где проводятся церемонии инициации – Кейн просил проводить его до дверей, когда ему нужно было пройти через это.

А Несси – это сказка о чудовище, которое живёт в озере между Маргандалором и Ткага-радой. Говорят, что когда-то оно было человеком, даже волевым воином... кажется, его звали Нессиар. Он был против войны между деревнями – тогда ещё они были городами – и пытался помирить извечных противников, но у него ничего не вышло, хорошо ещё хоть жив остался. И тогда он ушёл жить в лес, потому что не мог видеть, как люди уничтожают друг друга руками волевых, и поселился на берегу озера, а потом и вовсе решил жить в нём. Потому что его волевик принял его сторону и защитил его, дал возможность дышать под водой, а потом и вовсе превратил в чудовище. Эту сказку рассказывают всем, кто хочет влезть в это озеро, или всем, кто спрашивает, почему волевой не может касаться волевика. В конце концов, пусть волевик и разумен, воля его хозяина превыше его воли; но волевик – как лекарство с побочными эффектами. Примешь – и получишь дозу вредного вещества, то есть прикоснёшься – и расплатишься.

Кейн улыбался и молчал, а я начинала волноваться вместе с ним. Его волевик крутился вокруг запястья светящейся голубой лентой, и мне показалось, что он тоже переживает.

– Кейн, – позвала я. – У тебя всё хорошо?

Он перестал улыбаться, покачал головой. Теперь я заволновалась всерьёз. Он придвинулся ближе, не стесняясь того, что я даже не вылезла из-под одеяла, а он только что пришёл с рейда, в настолько запylённой униформе, что ни за что не догадаешься, что она на самом деле чёрного цвета. Он обнял меня, и я ощутила его запах, такой... неповторимый, каждый человек пахнет по-своему. У него это – одеколон, или что там используют мальчики для бритья, а ещё его одежда хранила запах средства для стирки, напоминавшего аромат первого снега, такое

делает только его мама, ла Клара. Кейн обнимал меня, и это было так не по-дружески, так по-другому, что я растерялась.

– Не хорошо, – тихо сказал он. – У нас кое-что случилось во время рейда. Мы с Тэй нарвались на засаду, у нас чуть не взорвалась машина. Нас прикрыли, но я впервые понял по-настоящему, что... ну, могу не вернуться.

Я молчала, не знала, что сказать. Воображение моментально нарисовало картинку – как Кейн и Тэй ехали вместе ночью на огромном внедорожнике вдоль стены, окружавшей деревню. Как было темно, как ветки деревьев, обступавших дорогу, образовывали безумно узкий коридор. Фары освещают его на несколько метров вперёд, и если кто-то не вовремя выскочит, не сразу заметишь. Дальше воображение не работало, а Кейн не спешил рассказывать. Он вдруг заговорил о другом.

– Несс, я... Я тут кое-что понял, – невнятно сказал он, и прижал меня ещё крепче, а я вслушалась внимательнее, боясь пропустить его слова мимо ушей. – Я... я кое-что чувствую к тебе... то есть... В общем, я люблю тебя и хочу, чтобы ты об этом знала.

В тот момент у меня перехватило дыхание. Мне такого никто и никогда не говорил, кроме мамы, и, может быть, папы, я не помню. Это было так ново, так неожиданно, что я растерялась и не знала, что сказать. Но то, что было приятно – точно.

– Скажи хоть что-то, – тихо попросил Кейн.

– Я... я тут недавно дневники сожгла, – неожиданно для себя призналась я. – Потому что там на каждой странице твоё имя, и мне вдруг стало неуютно, как будто меня без тебя нет. Это, наверное, то же самое, да?

Он отстранился, посмотрел мне в глаза, и я впервые заметила, насколько он необычный и милый. У него русые волосы до плеч, и он всегда зачёсывал их назад; когда Даен отрастил такую же длину и сделал так же, я долго над ним смеялась. А Кейну эта длина очень шла. Он вообще был очень симпатичный – серо-голубые глаза светились улыбкой, на щеках появилась щетина. Кейн всегда брился вовремя, и я впервые видела его в таком виде. Хотелось коснуться его, ощутить, что это такое. Только я побоялась – я ещё не совсем понимала, что это значит: любовь.

– Наверное, – Кейн улыбнулся. С улицы потянуло сквозняком, между занавесок в комнату проскользнул луч света, осветил Кейна, и он сам как будто осветился изнутри. Он взял меня за руку, сжал её. – Если честно, в моих дневниках тоже часто встречается твоё имя, только я их не сжигал. – Он усмехнулся. – Значит, ты...

Он замялся.

– Да, – я не удержалась и заулыбалась. – Наверное... наверное, я тоже.

– Тогда я могу спать спокойно, – он рассмеялся. – И, если честно, это сейчас очень кстати, я устал. Ты не возражаешь?..

– Я? Да... то есть, нет... то есть, да, иди, отдыхай, – промямлила я.

Кейн выпустил мою руку, поднялся на ноги. Опустил взгляд, неловко отряхнул пыль с костюма, затем замер на мгновение и махнул рукой.

– Извини, что я вот так... такой... вот, – неловко сказал он. – Ну... я пойду? Увидимся ещё сегодня?

– Ага, – кивнула я, отвечая на оба вопроса сразу.

Он кивнул в ответ и вышел из комнаты, а я машинально оглянулась на то место, где он только что сидел. Да уж. Я сразу поняла, что он имел в виду – на белой простыне и пододеяльнике остались пыльные следы. Плохо понимая, что делаю, я обняла испачканное одеяло и зажмурилась.

Но, если честно, я взялась за ручку и дневник не из-за Кейна. Да, лучшие друзья не каждый день признаются в любви, и ты не каждый день понимаешь, что можешь быть влюблена.

Просто именно после этого случилось что-то, о чём я боюсь рассказывать даже маме, а потому пишу сюда.

Я очень долго лежала в обнимку с одеялом, слушала тихую ноту своего дома и думала о том, что теперь будет. Должен был Кейн поцеловать меня, раз сказал, что любит? Как теперь мы будем видеться, обниматься, да просто разговаривать? Что-то переменится, или мы будем такими же друзьями, как прежде? Или уже ничего не будет, как прежде? Стоило ли поговорить об этом с мамой, или...

Будущее. Теперь оно казалось в три раза страшнее, чем раньше. Теперь я ещё больше боялась потерять Кейна и ещё больше боялась узнать своё предназначение. Потому что если не станет Кейна – я останусь одна, а если я окажусь волевой и даже воином, и не станет меня? Одна мысль хваталась за другую, с каждой новой мне становилось всё страшнее, пока я не поняла, что задыхаюсь от страха. Это было ужасно – казалось, моя маленькая белая комната растворилась в небытие, и я осталась одна внутри себя, наедине с невыносимым страхом. Я не помню, как пришла в себя, как начала дышать нормально; помню только, что обнимала себя за плечи и уговаривала не бояться. Что нет ничего страшного. Что будущее ещё не наступило, и... Сейчас я пишу это, и страх снова подкатывает к горлу. Но я постараюсь с ним бороться, я должна с ним бороться. Или должна перестать думать о том, что будет. Мама как-то сказала мне, что в будущем нет ничего страшного: сейчас оно ещё не наступило, а когда оно наступит, я уже буду другой. И той, другой, может быть уже не страшно, потому что она будет готова. Потому что всё будет иначе.

А от Тайры, учительницы самозащиты, я слышала кое-что другое. Что страх – наша слабость, что он может парализовать, и это будет стоить нам жизни, нашей или жизни близких. Теперь я понимаю это, как никогда. И должна ни в коем случае не допустить этого.

Я буду бороться со своими страхами сама, и никто не узнает об этом. В конце концов, если вдруг мне суждено стать волевой, моя воля должна быть сильнее страха, не правда ли?

Запись вторая. Апрель, 132 год от начала Нового времени

Я помню, как спросила маму о том, как первый волевой узнал о своём предназначении, и о том, кем он был. И что она ответила? Разумеется, рассказала очередную безумную легенду. Что один мужчина, кажется, его звали Арктуриан, как-то пошёл в лес прогуляться; по невероятному совпадению, это был его пятнадцатый день рождения. Ни с того ни с сего он услышал тихую протяжную ноту, и куда бы он ни шёл, от неё невозможно было скрыться. Что же оставалось? Только поддаться. И Арктуриан поддался, пошёл туда, где она звучала громче всего. И отыскал в лесу огромный валун, из которого торчал кусок незнакомой зелёной породы. Она еле заметно светилась и казалась полупрозрачной, хотя сквозь неё ничего не было видно. Завороженный, Арктуриан подошёл к валуну, попытался коснуться куска породы, и та неожиданно переменялась. В следующее мгновение из камня торчала рукоять меча, светившаяся нежным голубым сиянием. И когда Арктуриан попытался достать меч из камня, тот неожиданно разрубил камень и последовал за движением парня, но не позволял себя коснуться. Тогда Арктуриан поднял руку, и меч последовал за ней. Так был найден первый волевик, и первый волевой воин нашёл своё предназначение. Уже потом он прогулялся до пещеры, возле которой нашёлся этот валун, увидел там десятки таких самородков, позвал своих приятелей и потребовал отправить гонцов в Маргандалор, но это уже была другая история. История нового времени, войны, боли и крови. Ну, почти – когда волевой желает просто причинить боль, волевик не оставит следа. Когда волевой хочет ранить, поиздеваться – рана останется. От смертельных ударов следов не остаётся.

Конечно, я не была Арктурианом, но сегодня мне тоже предстояло узнать своё предназначение. И сегодня как раз мой пятнадцатый день рождения. Мама рассказывала, что раньше среди людей было принято отмечать этот день – готовились праздничные блюда и игры, люди наряжались и приходили поздравлять счастливого. Каждый год мама напоминала мне об этом и спрашивала – не хочу ли я сделать так, как люди делали раньше? Я говорила, что не хочу. У меня была моя компания, и этот день мы всегда проводили вместе. Гуляли, играли в мяч, сражались в тренировочных боях и все вместе мечтали, как станем волевыми. Никто не хотел прожить жизнь в относительной безопасности, под крылышком воинов, растягивая своё время за пультом автофермы. И так проводила день не только я – так делал каждый из нас.

Только теперь старой компании нет. Все стали слишком занятыми, слишком... взрослыми, что ли. Кого-то мы потеряли буквально – я до сих пор вспоминаю Эстер и думаю о том, как мне её не хватает. А кто-то исчез сам, как Кир и Даен; Кейн говорит, что даже на тренировках и в рейдах они общаются редко. Не так, как раньше, как будто исчезло что-то, что делало их друзьями. Получалось, что только я и Кейн не потеряли друг друга после инициации, и сегодня эта связь должна была пройти новое испытание на прочность.

Не существовало чёткого протокола, как происходит церемония. Ты просто приходишь в зал совета, расположенный перед северными воротами. Просто пытаешься коснуться волевика. Он сам подскажет тебе, какое предназначение тебя ждёт. Если воин – тебе предстояло в тот же день явиться в казармы. Если творец – ты должен был подняться на второй этаж здания совета и разыскать кого-то, кто подсказал бы тебе, как быть дальше и где штаб-квартира творцов. Из соображений безопасности она постоянно переезжала с места на место и всегда находилась под землёй. Ну а если ты оказывался не волевым, ты мог просто вернуться домой и жить дальше. Смухлевать не получится – камеры наблюдения улавливали каждое твоё движение. Это пугало меня больше всего – я боялась, что когда окажусь там, у меня снова будет приступ страха. Я

много думала и поняла, что его вызывают мысли о будущем, а церемония, на которой определяется твоё будущее, однозначно сюда подходит.

В этот день Кейн приходил с ночного рейда. Мы договорились, что он разбудит меня, а потом мы вместе пойдём к зданию, где проходила инициация, но всё пошло так, как я люблю – совсем не по плану. Кейн нашёл меня на маленькой площади возле здания совета – я просто не могла уснуть этой ночью и решила, что лучше дождусь его там. Всё равно путь от казарм волевых к его дому проходил здесь.

Мы удобно устроились на лавочке, стоявшей ближе всего к дверям здания. Кейн лежал, устроив голову на моих коленях, рассказывал что-то о том, как прошёл рейд, а я щурилась на солнце, наслаждаясь его низким, рокочущим голосом, запахом сосны и теплом ветра, и думала о том, что лучший подарок, какой можно придумать на день рождения – это машина времени, чтобы останавливать такие моменты, как этот.

Но у Кейна был подарок получше.

– Волнуешься? – спросил он.

Интересно, как он догадался? Не по тому ли, что меня трясло? Я пробормотала что-то невнятное в ответ, настолько невнятное, что сама не поняла, что именно сказала. Кейн усмехнулся и поднялся, сел так, что его плечо касалось моего.

– Эй, – он покачнулся, толкнул своим плечом моё. – Всё пройдёт хорошо. Ты быстро расправишься с этим делом, и мы пойдём отмечать.

Я покачала головой. Кажется, в тот момент голос меня оставил окончательно.

– Несс, – тихо позвал Кейн. – Я начинаю волноваться. Скажи хоть слово.

Я снова покачала головой и зажмурилась.

– А хочешь, я сделаю так, чтобы ты забыла об этой дурацкой церемонии? Ты только скажи.

В его голосе слышалась хитрая улыбка. Наверное, в ту минуту мне стало совсем плохо, и я кивнула. И что же он мог сделать, чтобы я обо всём забыла? Я могла подумать о чём угодно, кроме этого.

Он прижался ко мне и коснулся губами моих губ.

Это было так необычно, какое-то новое, незнакомое чувство. Я до сих не понимаю, что это было, и единственное слово, каким можно описать его: это было сладко. Разве тело может ощущать сладость? Кожей. Я не знаю, но это было так.

Кейн отодвинулся.

– Видишь? – сказал он. – Я же говорил, что ты обо всём забудешь.

– О чём? – вырвалось у меня.

– Ни о чём, всё отлично, – он рассмеялся.

Мне очень хотелось поговорить об этом, но я боялась. Кейн был старше меня на два года, и наверняка у него уже было что-то похожее, только не со мной, раз он знал, что получится. Я думала о том, чувствовал ли он с другой девушкой то же, что и со мной, и было ли это так же сладко. И мысли об этом настолько вскружили голову, что я пришла в себя только после того, как меня толкнули в плечо.

– Несс, инициация через две минуты, – тихо сказал Кейн. – Я не смогу пройти с тобой, но всё равно буду... ну, рядом.

Я потёрла глаза, посмотрела на него.

– Прости, что?

– Говорю, что я не смогу пройти с тобой в зал инициации, – повторил Кейн, и в это мгновение я вспомнила, что мне предстоит. – Поэтому... В общем, с днём рождения.

Он протянул мне маленькую коробочку. Пока я открывала её, мои руки тряслись, и у меня получилось только с третьего раза. В коробочке лежали маленький наушник и микрофон, какой можно прикрепить даже к коже, и он будет похож на родинку.

– Я буду рядом так, как смогу, – Кейн развёл руками, неловко улыбнулся, и я вдруг поняла, что он волнуется не меньше моего. – Ну же, скажи хоть слово... Несс?

– Да... прости, я немного... – я зажмурилась, потёрла глаза, как будто это могло помочь прийти в себя. Надо было сказать что-то, но в голову ничего толкового не приходило, и я сказала то, что стоило. – Спасибо, Кейн. Я просто...

Я наклонилась к нему, уткнулась лбом в его плечо. Засунула чёрную капельку в ухо, прикрепила на шею под ухо микрофон. Наушник моментально принял форму уха, и я мысленно указала ему изменить цвет так, чтобы его не было видно.

– Нам надо идти, – негромко сказал Кейн.

– Да, хорошо, – кивнула я.

Если смотреть сверху, наша деревня похожа на длинную полосу, перечёркнутую несколькими короткими – это центральная улица и боковые линии. Участки квадратные у всех, на каждом располагается жилой дом и автоферма, и каждое здание здесь звучит своей тихой нотой; всё это сливается в общую протяжную песнь. Центральная улица упирается в здание совета. Под присмотром самых старших людей мне и предстояло попытаться коснуться волевики, правда, наблюдать они будут с высоты пары этажей. Об этом мне рассказывал Кейн.

– Говорят, волевик может принять вообще любую форму, и для окружающих это не всегда безопасно, – объяснял он. – Был случай, когда волевик в руках парня взорвался и задел присутствовавших на церемонии. Своего хозяина он никогда не ранит, а вот...

Я не хотела вслушиваться. Я хотела наслаждаться звуком его голоса, не вникая в смысл. Секунды утекали слишком быстро, мы стояли слишком близко к дверям здания. Меня тошнило от волнения, и в трёх шагах от заветной двери я ухватилась за руку Кейна, боясь упасть на бетонное крыльцо.

– Несс, ты должна зайти туда одна, – сказал Кейн, и его слегка искажённый голос эхом отдавался в капельке в моём правом ухе. – Не думай о том, что ждёт тебя потом, сосредоточься на волевике. Тогда всё пройдет гладко.

Я кивнула – всё равно не вышло бы выжать ни слова. Шагнула вперёд, по крыльцу, ещё раз и ещё. Тяжёлые двойные двери из тёмного металла были распахнуты настежь, в помещении было темно, и мне предстояло шагнуть в эту тьму. Я вдохнула, выдохнула, вспомнила совет Кейна. И сделала новый шаг.

И окунулась в темноту коридора, а одновременно с ней – в новый приступ страха.

Казалось, тьма обступала меня со всех сторон, давила, не позволяла дышать. Я боялась сделать шаг, боялась открыть глаза, даже попытаться вздохнуть, как будто малейшее движение грозило смертью. И если в первый раз у меня ещё была надежда на то, что я выберусь из этого, теперь мне казалось, что я тону. Тону без надежды на спасение, и...

– Несс! Всё в порядке?

Одновременно с голосом Кейна в наушнике я услышала тонкую ноту, как те, которыми звучат дома. Она не была похожа ни на одну из тех, что я слышала раньше, она была особенной, какой-то... светлой, умиротворяющей, что ли. Волны страха ослабевали, отступали, и я понемногу пыталась дышать. С каждым новым вздохом становилось всё легче.

– Всё в порядке. Просто... немного испугалась темноты, – еле слышно сказала я и шагнула вперёд. Потом ещё раз, ещё, стараясь не обращать внимания на страх. Потом снова и снова. Нота звучала всё громче, мне становилось всё легче. Хороший знак.

Под потолком вспыхнул свет, залил огромную комнату, в которой я оказалась ровно в центре. Передо мной стоял пьедестал, или алтарь, или как ещё можно было назвать этот мону-ментальный кусок белого мрамора, возвышавшийся передо мной чуть выше, чем по пояс. Его венчала ровная площадка, на которой лежал светло-зелёный с белыми прожилками камень, друза размером с кулак, кристаллы в которой были чуть толще указательного пальца. Нота исходила от них, а значит, это и был волевик.

Нужно было убедиться. Не дожидаясь команды или чего-то такого, я наклонилась к камню и прислушалась. Нота зазвучала громче, сомнений не осталось – пел камень. Я кивнула самой себе и распрямилась, и не успела даже подумать об этом или сделать какие-то выводы, как камень поднялся в воздух на несколько сантиметров, медленно сжался в небольшой шар и засветился. У свечения был приятный голубой оттенок, он завораживал, и я застыла, наслаждаясь его видом. И даже забыла ненадолго о том, к чему всё это ведёт – ровно до того момента, как шар вытянулся примерно на метр в длину, принимая до боли знакомую форму.

– Ну, что там? – послышался встревоженный голос Кейна.

– Меч, – выдохнула я.

– Пусть твёрдая воля и ясный рассудок ведут тебя по пути воина! – грянул с потолка незнакомый мужской голос.

Вот так всё просто. Я протянула руку, краем глаза замечая, что волевик мелко-мелко трясся, будто в нетерпении. Я попыталась его коснуться, но не тут-то было – своенравный камень чуть опустился, так, чтобы я не могла до него дотронуться. Я подняла ладонь вверх, и волевик последовал за ней, оставаясь ровно на таком же расстоянии от кожи, на каком до этого поднимался светящийся шарик над мрамором. Он признал меня. Я – волевая. Воин. И теперь получила этот минерал в своё распоряжение, а в придачу – необходимость защищать деревню, выходить в ночные рейды и мстить маргандалорцам за всё то, что они творят на наших землях. И если ещё утром всё это казалось мне неподъёмным бременем, теперь же по венам разливалась тёплая уверенность: это – моё. Это – моя жизнь. Не может быть иначе. И песнь волевика будто соглашалась, звала сорваться в битву; она больше не казалась мне грустной или протяжной, но сильной, смелой и вдохновляющей.

Волевик как будто почувствовал моё настроение. Он перестал светиться, обернулся лентой и закрутился вокруг правого запястья, как будто вздумал стать браслетом. Я ощутила перемену в его ноте – теперь мне слышалось, что он был в полной боевой готовности, ожидал первой же мысли, чтобы последовать за мной в битву. И мне казалось, что я сама стала тонкой струной, настроенной на мой волевик, и что мы звучим в унисон и понимаем друг друга. И да – мой волевик. У этих слов особенная окраска, особенный вкус, и мне хотелось повторять их раз за разом. Несмотря на то, что мы никогда не сможем коснуться друг друга, мы с этим камнем будто за мгновение стали лучшими друзьями. Безумные, но потрясающие ощущения.

– Воин, – вымученно улыбнулся Кейн, когда я вышла из зала совета, так и не встретив никого по дороге. – Теперь и я буду бояться, когда ты будешь уходить в рейды.

Тусклое весеннее солнце светило в глаза, я прищурилась. Ткагарада встречала меня непривычной тишиной, было даже немного страшно – ни одной ноты в воздухе, как будто кто-то выключил звук. Была слышна только тихая песнь моего волевика, и то, если прислушиваться, но в этом не было нужды – я чувствовала её кожей, разумом, всем телом. Уверенность, горящая в моих венах, с каждой секундой разогревалась всё сильнее, жгла изнутри, подгоняла, заставляла действовать, и я поддалась ей. Я прижалась к Кейну. Он обнял меня в ответ, едва ощутимо поцеловал в лоб, и на несколько секунд мне было наплевать на всё, что произошло в зале. А когда он осторожно отстранился, я улыбнулась и скорее самой себе, чем ему, сказала:

– Есть прекрасный способ избежать этого. Выходить в рейд вместе.

Говорят, что Маргандалор и Ткагарада – не единственные поселения здесь, и чуть в стороне от нас находится город. В деревнях для него добывают сырьё, он перерабатывает всё это на фабриках и привозит нам в коробках готовые вещи – например, одежду, посуду, какие-то мелочи для дома. Всё это привозят Безликие – караванщики в длинных плащах, скрывающих фигуру и белых масках, скрывающих лицо. Ходят слухи, что на дорогах опасно, и потому Безликие никогда не показываются людям без такой униформы. Они всегда появляются раз в месяц, в случайный день, и так сложилось, что они приехали сегодня. И я успела получить свой подарок от мамы вовремя – это был чудесный серебристый ободок для волос, украшенный

белыми цветами. Мама рассказывала, что папа подарил ей такой в тот день, когда предложил пожениться. Жаль, говорила она, он не сохранился, чтобы передать его мне – ещё до моего рождения их первый дом сгорел вместе с кучей вещей, среди которых был и тот самый ободок. Я долго разглядывала подарок и думала о том, что что-то такое мог бы подарить мне Кейн, раз мы любим друг друга. Должны ли мы уже завести семью? Жить вместе, отдельно от родителей? Я не знаю. И пока не готова спрашивать у мамы.

Это был очень долгий и сложный день, полный новых впечатлений. После был тихий семейный праздник до заката, а когда Рэй ушёл спать, мы с мамой и Кейном долго разговаривали о том, что произошло. Мама честно призналась, что у волевых есть тайна – все они слышат протяжную песнь волевигов, но только до того, как обретут свой. С этого момента все другие ноты стихали, кроме единственной и неповторимой. Я увидела в этом нотку романтики, на что Кейн пошутил, что будет ревновать. Ну и пусть. Если бы я могла, я бы тайком погладила свой браслет, но волевик отклонялся, прячась от каждого человеческого прикосновения, моего или чужого.

А потом мама и Кейн, будто сговорившись, хором сказали, что время уже позднее, а у меня завтра тяжёлый первый день в казармах, а потому пора укладываться. Оставалось только послушаться, что поделаешь. И, засыпая, я неожиданно задумалась: так значит, о том, что ты волевой, можно узнать и до того, как тебе исполнится пятнадцать, хотя нам говорили, что пытаться сделать это бессмысленно. Выходит, это было ложью. И если моя волевая жизнь начинается с такой маленькой лжи, не продолжится ли она ложью огромной?

Запись третья. Конец апреля, 132 год от начала Нового времени

Автоферма считается автоматической потому, что выполняет полный цикл по уходу за посевами и домашним скотом. Она сама поливает и удобряет, рассыпает корм и собирает излишки, вычищает загоны, сканирует все организмы на наличие заболеваний, предлагает и вводит лечение. Оператору необходимо только задавать программы в соответствии с рекомендациями – считается, что человек может принять более разумное решение, нежели машина – и заполнять резервуары всем необходимым. Это знание вбивалось в наши головы с рождения и это было первое, что мне необходимо было забыть. Начиналась новая жизнь, жизнь волевого воина, в которой операторы автоферм становились нашими подопечными, а мы – их защитниками.

«Нас» было восемь. Вся наша старая компания: Тэй и Тесса, Кир и Даен, а так же парень по имени Кай – в детстве он много болел и редко появлялся среди нас. Правда, Тессы и Даена не было – они вместе заступили в дневной рейд.

Главным в казармах был Алек, волевой воин слегка за сорок. Он был единственным, кто дожил до этого возраста и продолжал участвовать в рейдах и вылазках в Маргандалор, и оставалось только удивляться, как у него это получалось. Иногда он пропадал ненадолго, и тогда ходили слухи о его гибели, но он всегда возвращался спустя несколько месяцев.

Алек выглядел сильным, строгим и надёжным – именно в таком порядке. Он был невысоким, даже ниже меня ростом, а это в некотором роде показатель. Он был широкоплечим, носил бороду и усы, а также волосы до плеч, как Кейн, только был огненно-рыжим. Алек носил плотную, облегающую чёрную одежду с огромным количеством карманов, каждый был обшит изнутри чем-то серебристым, и это что-то тускло поблёскивало на свету. Когда я спросила, что это такое, Алек только усмехнулся и немного оттянул вперёд карман на груди. Оттуда мгновенно выскользнул волевик и обернулся вокруг запястья его правой руки.

– Волевик никогда не бывает просто в самородках или в кристаллах, – пояснял Алек. – Чаще всего его находят рядом с жилами ратия, нередко – закованным в его самородки. Волевик и ратий идут рука об руку... если так можно сказать о камне и металле. И если сделать тонкие пластины из ратия и обшить им карманы, волевик будет прятаться там, а не виснуть на запястье.

– А нам можно такое? – загорелась я.

– Можно, – Алек нахмурился. – Но только лучшим из лучших.

– Худшие не выживают, – добавил Кейн.

От этих слов у меня пошли мурашки по коже. На мгновение, кажется, даже поднял голову страх, но на этот раз мне удалось его сдержать. Жаль, я сама не поняла, как это случилось.

Новичку всегда показывали казармы изнутри, как будто здесь было что-то особенное. Ну, конечно, тренировочных залов я ещё ни разу не видела, как не видела и манекенов, созданных специально для волевых. Во время уроков самозащиты мы тренировались на соломенных куклах, а здесь стояли фигуры, созданные из камня, металла, дерева...

– Самое сложное в управлении волевиком – научиться его контролировать, – говорил Алек. – Сделать так, чтобы он стал проводником твоей воли, а не наоборот. Ты, наверное, уже поняла, о чём я?

Я смутилась. За эту ночь, которую мы с волевиком провели вместе, я несколько раз ощущала... что-то странное, скажем так. Если днём, сразу после церемонии, он казался мне дру-

гом, то теперь в нём что-то переменялось. Как будто он требовал ввязываться в битву, звал за собой, и этому зову было сложно сопротивляться.

– А почему манекены каменные? – спросила я.

– Ты знаешь, насколько могущественен волевик? – спросил Алек. – Он может разрубить камень, железо, даже алмаз. Не нужно много ума для того, чтобы ударить с такой силой.

– Быть волевым – значит уметь принять решение, когда ударить, а когда остановиться, – добавил Кейн. – Убивать и уничтожать у человека в крови. На что-то большее нужна сила воли. Поэтому мы учимся наносить такой удар, чтобы он не разрезал камень, но коснулся того, что за ним.

Алек оглянулся на него, нахмурился. На мгновение мне показалось, что сейчас он отчитает Кейна, но нет.

– Слова моего лучшего ученика, – кивнул Алек. – Молодец, что держишь марку. – Он обернулся ко мне. – Теперь ты знаешь, на кого равняться, девочка.

Я с трудом подавила смущённую улыбку.

– Я всегда равняюсь на него.

Прежде чем приступить к тренировкам, Алек долго говорил со мной наедине в том тренировочном зале, просил показать пару ударов. Каждый раз, когда я что-то делала, он хмурился; наверное, так он показывал, что ему что-то нравится – в конце концов, с таким же лицом он хвалил Кейна. Затем он провёл меня в комнату отдыха, где показал расписание рейдов.

– Теперь, когда ты с нами, мы сможем восстановить нормальное расписание, – задумчиво протянул Алек. Он склонился над столом, и я увидела, как он вписал моё имя в клеточку, отмечавшую завтрашнюю ночь. – Завтра рано утром придёшь на тренировку, посмотрим, кого поставить тебе в пару. А сейчас иди к Кейну, он тебе объяснит, что и как.

«Что и как» оказалось гаражом, заставленным внедорожниками. Кейн объяснял мне, как проходит рейд, как устроен автомобиль, как управлять им. Показывал карту, объяснял, где находится Маргандалор, какие дороги к нему ведут, чем занимаются разведчицы – Тесса и Тэй. Я не могла сосредоточиться, пропускала половину мимо ушей, потому что у меня перед глазами до сих пор стояло расписание, в которое уже было вписано моё имя. И я ощущала, как внутри растёт страх – жуткий, невыносимый, как огромное чудовище, справиться с которым я пока не в силах. Пока Кейн рассказывал, как наладить связь с машиной с помощью волевика и показывал очередную схему, я уговаривала монстра подождать, пока я окажусь дома. Он не хотел ждать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.